

Строчка

Бог услышал – а песня была коротка,
может, только строка – юным, ломким фальцетом –
спасена не гадавшим, что целит в века,
недожившим, давно позабытым поэтом.

Сколько их, золотых неприкаянных строк –
жгучих искр от костра, где сгорело страданье –
услыхал и запомнил рачительный Бог
и как птиц отпустил на простор мирозданья.

Что они? Где они? В ипостаси какой?

Тень и свет их – на что они падают в мире?

Где ломают устои и рушат покой

эти строки – вне дат, без имён и фамилий?

Среди нас, на земле, где фантомная боль

всё сильна... Вдруг незванным, негладанным ливнем

грянут вниз из безоблачности голубой –

"Дождь слепой!" – мы кричим и хохочем наивно...

Если где-то лавину удержит гора,

умирающий встанет, война не взорвётся –

то безвестная строчка, мудра и добра,

грех чужой замолила и в воздухе вьётся.

В час отчаянья – может быть, это она

лба коснётся, и братскою нежностью строгой
не позволит душе безысходного дна,
остановит у самого бездны порога.
Может, там, где сдвигаются материки,
где творение длится в межзвёздных парсеках,
эти строки – опора творящей руки,
пожеланье творению от Человека.
А в нескладной судьбе, в обречённой борьбе
вновь “из пламя и света” рождается слово,
и другая строка прокричит о себе,
захлебнётся, забудется, канет – и снова
Бог услышит...

Последний Раз

Чужбина – мир, а мы близки друг другу,
смеясь и плача, споря и мирясь...

Но – рядом он, уже к нам тянет руку,
застигнет нас вдвоём Последний Раз.
Непредставим! – предчувствия не шлёт –
последний час истратим мы вслепую,
и весть настигнет, словно птицу влёт
незрячая, нечаянная пуля.

Мы говорим: – Люблю! – да, да, иди,
жду в шесть – не опоздай! ...Пожар, цунами,
кирпич, крушение, тромб – неотвратим,
Последний Раз, как тень, всегда за нами.
Один уйдёт – как станет жить другой? –
с одним из двух предсердий, полушарий
Земли и мозга, бывшею рукой
в потёмках по пустой подушке шаря...
Считай минуты чуда на балу,
до полночи!.. В объятии кружим мы –
последний взгляд, последний поцелуй,
последний раз, когда мы оба живы.

Вспоминая Канаду...

1. Снег

Ночью лиловеев небосвод:
стосковалась тьма по белизне –

это значит, город обовьёт
снег.

Снег над наготой, над чернотой
осени, обобранной догла,
снег над суетой, над чередой
дней моих без худа, без добра,
над чердачной рухлядью вещей
нажитых – на выброс и в сугроб! –
над умолкшим домом, что вотще
ждал тебя... Тих, лёгок, не суров,
пряжами серебряных седин,
перьями небесных лебедей
вьётся снегопада серпантин
в лепоте своей и правоте.
Смоет, скроет, скрасит, обелит,
вышьет сказки по ночной канве...
Я усну, а снег пускай летит,
и во сне порхает из-под век –
чтобы морем бликов заиграл
ясноглазым утром голубым
сад, где ветка каждая – коралл
девственных, таинственных глубин,
чтобы утро ночи мудреней,
чтоб открылся выход и ответ,
чтобы к жизни вывел робкий след
по пречистой снежной целине.

2. Мороз

Бессчётно звёзд, мороз глубок,
планеты светят не мигая,
ночь лаконична как лубок –
вся чёрно-бело-голубая.
В стакане кубиками льда
дрожат дома, светясь изнанкой,
и предсказуем, как шарманка,
фонарь – ближайшая звезда.
Ночной автобус – злато-синий глаз из-за угла – мигнёт, и
прозрачна и беззвучна стынь – ни вдоха, шороха, ни ноты.
Морозом сковано руно

серебряное... Как на льдине
дом – иглу. И хоть бы единый
след – человеческий ли, звериный –
к порогу или под окно...

3. На озере

Спит озеро, дышит чёрными поймами.
Слился с водой берегов мазут.
Спят рыбы, что завтра будут пойманы,
и те, которые уплывут.
Спят утки, что завтра будут подстрелены,
в зловеще шепчущих камышах.
Луна посветила тускло и зелено,
за остров скрылась, совсем ушла.
И лодке моей не доплыть до берега,
на камни лечь в водяном гробу! –
но чья-то рука зажигает бережно
фонарь вдалеке – на него гробу.
Господь, не гаси ещё свет спасительный,
зачем-то берёт, дай последний шанс!
...Причал, и старик с фонарём. Спросить его! –
Уходит во тьму, ускоряет шаг.

...И нет со мной ни возгласа из хора,
ни дружеского взмаха за спиной –
одна, в театре одного актёра –
трагедия играет мной одной.
Судьбы четвёртый акт. Осоловело
зал зарится, к развязке заспеша.
Больней и горше расстается тело,
но всё умеет вынести душа –
почти бессмертная... И только стая
лучей на площадь, где щербатый стул –
партнёр, опора. Тень его густая –
как чёрный плащ на солнечном мосту.